

ГЛАВА VII.

Логика Гегеля.

Когда мы говоримъ, что познание возможно, мы подразумеваемъ, что разумъ можетъ возвыситься надъ случайной, частной, измѣнчивой точкой зрѣнія, которая свойственна индивидуальности, какъ таковой. Еслибы каждый человѣкъ былъ принужденъ сдѣлать себя центромъ вселенной и придавать вещамъ значеніе и реальность, соответственно тому, какъ онѣ непосредственно аффицируютъ его чувства, или служить удовлетворенію его потребностей, то ни умственная, ни нравственная жизнь не могли бы быть для него возможны. Чтобы достигъ той или другой, онъ долженъ быть способенъ взирать на вещи *съ универсальной точки зрѣнія*—т. е. онъ долженъ быть способенъ отдѣлаться отъ влияния своего непосредственнаго положенія и обстоятельствъ и даже отъ своихъ личныхъ желаній и чувствъ, и смотрѣть на себя, въ своей индивидуальности, какъ на объектъ, среди другихъ объектовъ, которые онъ познаетъ. Онъ долженъ чувствовать по отношенію къ самому себѣ такой же объективный интересъ и прилагать къ себѣ такое же безпристрастное сужденіе, какъ и по отношенію къ тому, что вовсе не касается его лично,—къ тому, что удалено временемъ и пространствомъ отъ непосредственнаго круга его собственныхъ интересовъ. Чтобы жить въ качествѣ *нравственною* существа, индивидъ долженъ смотрѣть на себя и относиться къ себѣ съ точки зрѣнія семьи, государства или

человѣчества; онъ долженъ придавать собственнымъ желаніямъ и интересамъ только то значеніе, какое они заслуживаютъ, когда рассматриваются съ точки зрѣнія такого высшаго центра, а не то исключительное значеніе, котораго они требуютъ, когда мы предоставляемъ имъ говорить самимъ за себя. Правило, гласящее, что мы должны поступать съ другими такъ, какъ мы хотимъ чтобы они поступали съ нами, имѣетъ практическое достоинство не потому, что оно въ буквальномъ смыслѣ указываетъ путь долга—ибо наши желанія для другихъ могутъ быть такъ же безразсудны, какъ наши желанія для насъ самихъ,—но потому, что усиліе наше поставить себя на мѣсто другого есть вообще самый вѣрный путь для того, чтобы возвыситься надъ тѣсной атмосферой личныхъ чувствъ. Такимъ же образомъ интеллектуальная жизнь, жизнь познанія,—съ самаго начала представляется какъ усиліе оторваться отъ тѣхъ вещей, которыя, какъ говоритъ Аристотель, суть „первыя для насъ“—отъ непосредственныхъ явленій и чувственныхъ воспріятій, измѣнчивыхъ и различныхъ для каждаго изъ насъ, и достигъ тѣхъ вещей, которыя суть „первыя по природѣ“ — законовъ и принциповъ, которые проявляются одинаковымъ образомъ въ самыхъ различныхъ порядкахъ явленій. Употребляя сравненіе Канта, скажемъ, что система Птолемея всего болѣе естественна для насъ: мы охотно объяснили бы всякую вещь, хотя бы самымъ сложнымъ и труднымъ путемъ, при томъ предположеніи, что вселенная вращается вокругъ нашихъ индивидуальностей. Но наука и философія пытаются утвердить систему Коперника, въ ея простомъ

и прозрачномъ порядкѣ, измѣняя нашу точку зрѣнія на солнце, универсальный центръ, вокругъ котораго всѣ вещи дѣйствительно вращаются.

Но можемъ ли мы дѣйствительно такимъ образомъ выходить изъ насъ самихъ? Можемъ ли мы освободиться отъ явленій, насъ окружающихъ, и отъ самой индивидуальной природы нашей? Или, если намъ это возможно до нѣкоторой степени, нѣтъ ли границы этому процессу въ самомъ человѣчествѣ нашемъ? „Человѣкъ никогда не знаетъ“,—говоритъ Гете, „какъ далеко простирается его антропоморфизмъ“. Если мы можемъ перескочить черезъ бездну, отдѣляющую насъ отъ людей намъ подобныхъ, можемъ ли мы также ожидать, что мы освободимся отъ тенденціи болѣе или менѣе опредѣленно очеловѣчивать природу въ самомъ процессѣ познанія ея? Или, предполагая даже, что мы можемъ возвыситься надъ всѣми раздѣленіями, отдѣляющими конечныя вещи и существа другъ отъ друга, не остается ли все-таки абсолютная бездна, утвержденная между конечнымъ и безконечнымъ, которая ограничиваетъ насъ во времени и пространствѣ и препятствуетъ намъ видѣть вещи *sub specie aeternitatis*.

Эта проблема уже смущала Аристотеля на зарѣ психологии. Онъ разрѣшаетъ ее тѣмъ ученіемъ, что разумъ, строго говоря, не есть вещь или существо, которому можно приписывать качества или атрибуты, и такимъ образомъ отличать его отъ другихъ вещей и существъ. Разумъ, утверждаетъ Аристотель, есть универсальная способность и „не имѣетъ другой природы, кромѣ этой всеобщей способности“. Онъ не за-

ключаетъ въ себѣ „постороннихъ элементовъ“, смѣшанныхъ съ его чистой универсальностью, „которые могли бы заститъ или загородить собою его воспріятія объектовъ“. А потому онъ способенъ „овладѣть всѣми объектами, т.-е. понять ихъ“. Эти многозначительныя выраженія въ переводѣ на современные термины означаютъ то, что разумъ не есть вещь среди другихъ вещей въ познаваемомъ мірѣ, но что онъ есть то начало, по отношенію къ которому единственно этотъ міръ и существуетъ. Поэтому въ природѣ разума нѣтъ ничего, что препятствовало бы ему понимать вселенную, которая по самому существу своему есть объектъ разума. Мыслящій субъектъ, безъ сомнѣнія, есть тоже индивидъ среди другихъ индивидуумовъ; но, въ качествѣ мыслящаго субъекта, онъ свободенъ отъ міра и освобожденъ не только отъ границъ индивидуальнаго существованія, но и отъ ограниченій своего вида или рода — отъ какихъ бы то ни было объективныхъ ограниченій. Индивидуальность самосознательнаго существа, какъ такового, утверждается на универсальной основѣ; сознавая себя въ *противоположности* своему „не—я“, такое существо въ одно и тоже время сознаетъ и свое я и свое не—я въ ихъ *отношеніи* другъ къ другу; а это значитъ, что оно сознаетъ единство, которое объемлетъ и то и другое. Поэтому мы можемъ сказать, что такое существо не ограничено собой; именно потому, что оно сознаетъ себя, оно выходитъ за себя; и его жизнь включаетъ, въ высшемъ смыслѣ, то самое, что, въ низшемъ смыслѣ она повидимому исключаетъ. Иначе говоря,

субъектъ не есть простая вещь или существо, отличающееся от других вещей или существъ известными качествами; скорѣе можно сказать, что онъ обладаетъ всѣми качествами, или же, что онъ вовсе ихъ не имѣетъ: ибо, съ одной стороны, онъ способенъ относить себя ко всевозможнымъ качествамъ и такимъ образомъ сдѣлать ихъ частями своей собственной жизни, поскольку онъ сознаетъ ихъ и обуславливаетъ собою всякое объективное существованіе; но, съ другой стороны, онъ не ограниченъ ни однимъ изъ нихъ, ибо никакое качество не можетъ служить опредѣленной и окончательной квалификаціей его собственнаго существа. Въ противномъ случаѣ онъ не могъ бы объективно сознавать свои качества или отвлекаться отъ нихъ.

Но если такое воззрѣніе справедливо, то изъ него слѣдуетъ, что человѣческій разумъ, по своей внутренней универсальности, способенъ возвышаться надъ всѣми чисто-субъективными ассоціями и, отвлекаясь отъ нихъ, видѣть объекты такими, каковы они суть сами по себѣ, или, что то же, — видѣть ихъ съ универсальной точки зрѣнія. Такой актъ отвлеченія, въ болѣе или менѣе опредѣленной формѣ, предполагается въ умственной, въ нравственной, даже въ природной жизни человѣка: ибо въ самомъ простомъ чувственномъ опытѣ сказывается скрытое дѣйствіе разумнаго начала. Но въ наукѣ такой актъ отвлеченія предполагается въ высшей степени, ибо наука по существу своему состоитъ въ сознательномъ и обдуманномъ усиліи отдѣлаться отъ субъективности и смотрѣть на вещи вполне объективно.

Постольку наука заключаетъ въ себѣ и суровую школу самоотреченія, пожалуй даже — мучительный процессъ самоотреченія; ибо далеко не легкое дѣло отбросить всѣ наши предвзятія понятія и утвержденія и допустить, чтобъ они были взвѣшены на вѣсахъ самой природы, не пытаться склонить рѣшеніе, которое можетъ обличить наши ошибки и заблужденія. Однако же, отрекаясь такимъ образомъ отъ своихъ субъективныхъ предразсудковъ, разумъ не отрекается отъ самого себя. Онъ не сводитъ себя, какъ это повидимому думаетъ Бэконъ, на степень зеркала, отражающаго объективный міръ. Скорѣе наоборотъ, онъ тѣмъ самымъ даетъ мѣсто своей истинной самодѣятельности, ибо онъ ставитъ себя такимъ образомъ въ то центральное или универсальное положеніе, въ которомъ онъ только и можетъ проявить себя, какъ истинный разумъ. Дѣятельность мышленія не можетъ считаться вполне чистой, пока разумъ не отрѣшится отъ случайныхъ или частныхъ элементовъ, которые прицѣпляются къ его истинному существу; ибо только тогда онъ можетъ возвыситься до новой универсальной жизни, въ которой внутренняя его дѣятельность составляетъ одно съ объектомъ, имъ созерцаемымъ. Какъ показалъ Аристотель, разумъ не уподобляется вещи, имѣющей спеціальныя качества и уничтожающейся вмѣстѣ съ ихъ измѣненіями. Разумъ не раздѣляетъ судьбы тѣхъ частныхъ мнѣній и предразсудковъ, которые могутъ препятствовать ему въ познаніи объектовъ: скорѣе дѣятельность его становится свободной и могущественной только тогда, когда такія мнѣнія и предразсудки отброшены въ сторону.

Универсальность легко смѣшивается съ пустотой, или отсутствіемъ всякаго содержанія, потому что она есть свобода всего отъ частнаго. Подобнымъ же образомъ универсальная дѣятельность можетъ быть принята за пассивность, потому что она не есть самоутверждение ограниченнаго субъекта противъ чего-либо другого. Въ этомъ смыслѣ говорится иногда, что истинная наука состоитъ въ томъ, чтобы заставить умолкнуть наши личныя мысли для того, чтобы одна природа могла говорить. Но природа можетъ говорить только разуму и притомъ такъ, какъ если бы самъ разумъ говорилъ въ ней.

Отрицательная цѣль научной дисциплины состоитъ въ томъ, чтобы освободить субъективный разумъ отъ всего того, что отдѣляетъ его отъ его объекта; но если бы при этомъ самая мысль становилась пассивной и безсодержательной, то вмѣстѣ съ субъективной пристрастностью и односторонностью сознанія исчезло бы и самое сознаніе. Процессъ освобожденія мысли отъ самой себя не есть поэтому простое отрицаніе мысли, которое необходимо стало бы и отрицаніемъ всякаго объекта мысли; это есть отрицаніе какъ мысли, такъ и бытія въ ихъ *отдѣленіи другъ отъ друга*, и оно есть раскрытіе ихъ внутренняго единства. Это не есть пантеистическое единство, въ которомъ утрачено всякое различіе; это просто сдѣшество разума съ познаваемымъ міромъ, которое предполагается въ самомъ ихъ различіи и при свѣтѣ котораго только и можно истиннымъ образомъ понять ихъ различіе. Отвлекаясь отъ себя самого, какъ обособленнаго и противоположнаго своему объекту, и принимая, такъ называемую, чисто-объ-

ективную точку зрѣнія, разумъ тѣмъ самымъ уже показываетъ, что объектъ не составляетъ для него реальной границы, или даже что онъ не есть ничто, данное ему лишь внѣшнимъ образомъ. Разумъ не могъ бы быть объективнымъ, т.-е. становиться на объективную точку зрѣнія, еслибы такая точка зрѣнія не была его собственной,—еслибы въ объектѣ онъ встрѣчался съ чѣмъ-то безусловно чуждымъ ему. Уже одно то, что разумъ сохраняетъ и утверждаетъ себя при полномъ самоотреченіи отъ своей субъективности, одно то, что онъ способенъ возвыситься до единства, превосходящаго его различіе отъ объекта и его противоположность съ объектомъ, — есть залогъ того, что такое различіе и такая противоположность могутъ быть побѣждены и разрѣшены. Другими словами, возможно доказать, что міръ есть не только объектъ разума, но также и его проявленіе. А потому, когда мысль представляется освобожденной отъ всякаго своего собственнаго чисто субъективнаго содержанія, тутъ-то она и начинаетъ находить *саму себя* въ самомъ объектѣ, т.-е. находить въ немъ тѣ категоріи и формы мышленія, которыя составляютъ ее саму. Когда она перестаетъ свидѣтельствовать о себѣ, природа и исторія свидѣтельствуютъ о ней. Когда она умолкаетъ, „камни“ начинаютъ „вопить“.

Ученіе о томъ, что мы должны только отбросить всякія предположенія и смотрѣть на міръ, какъ онъ есть, для того чтобы въ немъ найти разумъ, Гегель и попытался обосновать въ своей логикѣ.

Обыкновенно эту логику считаютъ за трудъ, долженствующій служить основаніемъ для чего-то совершен-

но другого, за попытку построить природу a priori, — безъ отношенія къ фактамъ и опыту. Правда, что въ ней Гегель разсматриваетъ категоріи, при помощи которыхъ природа становится постижима, независимо отъ процесса ихъ приложенія. Но это впрочемъ происходитъ не потому, чтобы Гегель не зналъ, что мысль начинаетъ сознать свои собственныя формы лишь въ своемъ стремленіи къ истолкованію опыта. Онъ просто полагаетъ, что категоріи должны быть разсмотрѣны сами въ себѣ и въ отношеніи другъ къ другу, прежде чѣмъ мы станемъ разсматривать ихъ въ ихъ отношеніи къ тѣмъ объектамъ, къ которымъ онѣ прилагаются, или въ которыхъ онѣ воплощаются. Ибо лишь такимъ образомъ возможно показать, что законъ и порядокъ, или единство въ различіи существуетъ какъ въ разумѣ, такъ и въ познаваемыхъ имъ предметахъ. Короче, Гегель въ своей „Логикѣ“ просто стремится доказать, что эти различныя категоріи не суть собраніе отдѣльныхъ изолированныхъ идей, которыя мы находимъ въ нашихъ умахъ, и которыя мы прилагаемъ къ вещамъ одну за другою, подобно тому, какъ мы стали бы перебирать связку ключей, пробуя ихъ одинъ за другимъ на многихъ отдѣльныхъ замкахъ: онъ пытается доказать, что категоріи не суть внѣшнія орудія, которыми пользуется разумъ, но элементы дѣла, или стадіи сложнаго процесса, который въ своемъ единствѣ есть самый разумъ. Ибо мысль не имѣетъ другого ключа къ природѣ, кромѣ самой себя; для того, чтобы раскрыть смыслъ вещей, она можетъ только прохлѣбать черезъ кругъ своего собственнаго самосознанія въ его

отношеніи къ нимъ. Процессъ мысли есть, поэтому, непрерывный процессъ, имѣющій начало и конецъ, predeterminedные самой природой самосознанія. Для того, чтобы сдѣлать міръ научно постижимымъ, нуженъ методъ, а не случайный рядъ попытокъ, и въ такомъ методѣ есть свое время и мѣсто для приложенія каждой категоріи; есть свой порядокъ, который не можетъ быть извращенъ. Дѣйствительно, гдѣ же должно искать логическаго порядка, если не въ послѣдовательности категорій, на которой основанъ всякій логическій методъ? Начиная съ перваго сужденія, связаннаго съ воспріятіемъ, въ которомъ утверждается, что такой-то объектъ *есть*, до конечнаго научнаго и философскаго пониманія этого объекта, въ его отношеніяхъ къ другимъ вещамъ и къ познающему его духу, — должна существовать необходимая послѣдовательность, которая не можетъ быть извращена или измѣнена. И наше полное пониманіе міра должно зависѣть отъ порядка и полноты, съ которыми мы можемъ прослѣдить такой процессъ мысли по отношенію къ его послѣдовательности. Дѣло логики, какъ науки метода, начертать это движеніе in abstracto отъ категоріи къ категоріи вплоть до идеи самосознанія, которая есть категорія всѣхъ категорій, органическое единство всѣхъ другихъ категорій. Такимъ образомъ логика одновременно достигаетъ опредѣленія разума, какъ начала всемірнаго единства, и полной идеи метода, — какъ того процесса, посредствомъ котораго этотъ принципъ единства долженъ быть найденъ и открытъ во всѣхъ различіяхъ вещей.

Если самосознание есть действительно тот принципъ, въ которомъ слѣдуетъ искать объясненія всѣхъ вещей, то почему Гегель начинаетъ съ Бытія, а не съ самосознания? Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ томъ, что уже было сказано. Гегель, безъ сомнѣнія, такъ же какъ и Кантъ, утверждаетъ, что отношеніе къ самосознанію подразумѣвается уже въ первомъ воспріятіи предмета, и что бытіе или существованіе есть, по своей природѣ, бытіе или существованіе *для какою-либо субъекта*. Но первоначально такое отношеніе всякаго существованія, какъ объекта, къ сознающему субъекту, не можетъ быть явнымъ: оно только подразумѣвается. Утверждая, что объектъ *есть*, мы не утверждаемъ, чтобъ онъ необходимо относился къ другимъ объектамъ, или къ нашему разуму. Напротивъ того, въ первоначальномъ воззрѣніи нашѣмъ на вещи каждый предметъ представляется намъ изолированнымъ отъ остальныхъ, также какъ и отъ мысли, познающей его. Обыкновенное, непосредственное сознание сначала видитъ въ мірѣ лишь простое собраніе вещей, сосуществующихъ одна около другой, и рядъ событій, не имѣющихъ какой-либо жизненной или существенной связи между собою; съ точки зрѣнія такого неразвитаго сознания, духъ, которому являются эти вещи и событія, относится къ нимъ столь же внѣшнимъ образомъ, какъ и они относятся другъ къ другу. И хотя можно показать, что даже въ такомъ внѣшнемъ отношеніи вещей, въ единомъ пространствѣ и времени, предполагается болѣе существенная связь ихъ, какъ другъ съ другомъ, такъ и съ мыслью, которая ихъ познаетъ; тѣмъ

не менѣе такая связь, именно потому что она *внутренно предполагается* въ обыкновенномъ сознаниі, не присутствуетъ въ немъ явно. Для него, поэтому, каждая вещь стоитъ сама по себѣ, внѣ какой-либо связи съ чѣмъ-либо другимъ, кромѣ чисто случайной. Такимъ образомъ оказывается, что именно обыкновенное сознание живетъ въ отвлеченностяхъ, хотя оно никогда не производило отвлеченія. Ему на самомъ дѣлѣ и не нужно было отвлекаться отъ чего-либо, именно потому что оно никогда не имѣло представленія, или, по крайшей мѣрѣ, яснаго представленія о томъ цѣломъ, къ которому принадлежатъ разные предметы и элементы, изолируемые имъ. Наука вначалѣ тоже не можетъ справиться съ этой тенденціей обыкновеннаго сознания къ обособленію своихъ объектовъ; мало того, въ первый моментъ своего развитія наука стремится преувеличить эту тенденцію и довести ее до высшей точки отвлеченія. Ибо первая случайная связь вещей въ личномъ опытѣ должна быть признана какъ случайная, и первыя субъективныя ассоціаціи, порожденныя такимъ опытомъ въ индивидуальной мысли, должны быть порваны, прежде чѣмъ истинная совокупность отношеній и связь предметовъ могутъ быть познаны. Вотъ значеніе той научной дисциплины, о которой мы говоримъ, — дисциплины, при помощи которой мысль, по выраженію Бэкона, научается отрѣшаться отъ своихъ „идоловъ“. Обыкновенный экспериментальный методъ разрушаетъ такія ложныя ассоціаціи посредствомъ приема, который въ действительности можетъ рассматриваться, какъ практическое развитіе процесса отвлеченія, посредствомъ

обособленія изслѣдуемаго объекта или изслѣдуемаго качества отъ другихъ, съ которыми они были случайнымъ образомъ соединены.

Такимъ образомъ методъ исключенія, отрицанія, отвлеченія, посредствомъ котораго предметъ утверждается самъ по себѣ и обособляется отъ всего того, что его обыкновенно окружаютъ, имѣть свое мѣсто и значеніе, какъ первый шагъ научнаго изслѣдованія. Но этотъ методъ, будучи взятъ самъ по себѣ, легко можетъ быть ложно истолкованъ и сдѣланъ основаніемъ ложной теории; въ такомъ случаѣ онъ можетъ дать начало ученію, согласно которому всякая вещь есть то, что она есть, — *сама въ себѣ*, независимо отъ всѣхъ другихъ вещей и отъ мыслящаго духа. Такое представленіе легко принимается обыкновеннымъ разсудкомъ, ибо оно вполне соответствуетъ его собственно-му обособляющему, внѣшнему образу мысли, только на болѣе ясной степени самосознанія. Но, усвоенное разсудкомъ и логически развитое до своихъ послѣдствій, такое представленіе ведетъ прямо къ тому заключенію, что реальное существо вещей, — то, что вещи суть *сами въ себѣ*, — неизвѣстно и непознаваемо. Ибо всякое существованіе есть лишь проявленіе отношеній, и всякое знаніе есть лишь воспріятіе отношеній; поэтому всякая попытка оторвать отъ вещи ея отношенія должна кончиться низведеніемъ ея до *carut mortuum* — мертвенной отвлеченности, о которой нельзя ничего сказать. Такимъ образомъ реальный смыслъ научнаго отвлеченія извращается, ибо наука беретъ вещь саму по себѣ, не для того, чтобы найти, чтѣ она есть,

независимо отъ всякихъ отношеній, но для того, чтобы открыть тѣ отношенія, которыя внутренно присущи этой вещи, какъ свойственныя ей по природѣ. Наука отбрасываетъ всѣ случайныя и постороннія ассоціаціи, которыя могли бы помѣшать ея предмету раскрыть свою собственную умопостигаемую природу — свое собственное отношеніе къ другимъ вещамъ и къ нашему духу. Гегель только прилагаетъ этотъ самый методъ къ формамъ мысли, предполагаемымъ во всякомъ существованіи. Онъ разсматриваетъ категоріи или идеи бытія, существованія, причинности и т. д., каждую саму по себѣ, не съ тѣмъ, чтобы отдѣлить каждое изъ этихъ понятій отъ всѣхъ прочихъ и отъ разума, котораго они суть составныя части, но скорѣе по противоположной причинѣ, — для того, чтобы доказать, что они не могутъ быть отдѣлены такимъ образомъ. Другими словами, Гегель стремится доказать по отношенію къ каждой изъ категорій, что она не только *способна* къ сообщенію и сочетанію съ другими, но что она имѣетъ имманентное соотношеніе или необходимую связь съ ними, такъ что остальные категоріи вытекаютъ изъ нея въ ту самую минуту, когда мы пытаемся ограничить ее ею одною. Разъ всѣ субъективныя ассоціаціи будутъ уничтожены, то необходимо должна раскрыться чисто-объективная ассоціація, соотношеніе идеи съ идеей, которое вытекаетъ изъ ихъ собственной природы, или, выражаясь точнѣе, которая *есть* самая эта природа. Такъ же какъ эластичность пружины проявляется тѣмъ очевиднѣе, чѣмъ крѣпче она сжата, такъ точно и мысль, чѣмъ рѣшительнѣе она утверждается посредствомъ отвле-

ченія въ своей обособленной опредѣленности, тѣмъ яснѣе становится, что она имѣетъ отношеніе, или скорѣе, что она есть отношеніе, т.-е. что она тайно содержитъ въ себѣ другія понятія. Идеи—не мертвыя вещи, но „имѣютъ руки и ноги“. Соотносительность вытекаетъ изъ любой категоріи, именно въ тотъ моментъ, когда она ограничивается собственнымъ опредѣленіемъ и обособляется отъ всѣхъ прочихъ категорій, какъ это мы уже указали, говоря о „вещи въ себѣ“. Отрѣшите вещь отъ всѣхъ ея отношеній и попробуйте утверждать ее отдѣльно отъ всего,—въ ней самой. Вы сразу замѣтите, что вмѣстѣ съ отношеніями вы отрицаете и самую вещь. Вещь въ себѣ есть ничто. Абсолютное или чистое утвержденіе, —именно въ силу того, что оно абсолютно и чисто,—есть свое собственное отрицаніе. Ограниченное самимъ собою, и только самимъ собою, оно перестаетъ быть самимъ собою; ибо его опредѣленіе,—то, что дѣлало его самимъ собою,—было его отношеніемъ къ другому, къ тому, что было отлично отъ него, что не было тождественно съ нимъ. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ виллмому парадоксу: оказывается, что противоположности различны лишь тогда, когда онѣ приведены въ соотношеніе, и что, когда мы доводимъ противоположность до той точки, въ которой кончается отношеніе,—самое различіе исчезаетъ въ то же время. А это приводитъ насъ къ тому дальнѣйшему результату, что отношеніе къ своей противоположности или къ своему отрицанію есть единственное существенное отношеніе, отъ котораго мысль не можетъ быть оторвана,—отношеніе, которое пребы-

ваетъ и тогда, когда всѣ постороннія ассоціаціи удалены. Мысль по существу своему есть отношеніе, движеніе къ своей противоположности или отрицанію; это доказываетъ тѣмъ фактомъ, что, въ абсолютномъ обособленіи отъ такой противоположности, она немедленно становится неразличимой съ нею. Связь понятія съ его противоположностью есть, поэтому, первое звено въ цѣпи той необходимой соотносительности, которая связываетъ его со всею совокупностью другихъ понятій и съ разумомъ.

„Бытіе и Небытіе тождественны“. Это загадочное изреченіе Гегеля, которое возбудило столько споровъ и которое многимъ казалось причудой обезумѣвшей метафизики, можетъ теперь разсматриваться какъ имѣющее глубокой смыслъ. Оно не означаетъ, что Бытіе и Небытіе не различаются вовсе; но оно значитъ, что такое различіе не абсолютно, и что оно исчезаетъ въ тотъ самый моментъ, когда оно возводится въ абсолютное. Вся истина, поэтому, не можетъ быть выражена ни простымъ утверженіемъ тождества Бытія и не-Бытія, ни простымъ утверженіемъ ихъ различія. Но разсматривая то, что представляютъ собой эти отвлеченности, когда мы обособляемъ ихъ одну отъ другой,—такъ же, какъ ученый обособляетъ специальный элементъ съ цѣлью найти существенное соотношеніе или силу, заключающуюся въ немъ,—мы находимъ, что истина ихъ не заключается ни въ тождествѣ ихъ, ни въ ихъ различіи, а въ ихъ *тождествѣ въ различіи*. Тотъ, кто понялъ эту мысль, уже возвысился надъ отвлеченностями и усмотрѣлъ ихъ единство въ различіи. Онъ подобенъ

ученому, открывшему тожество принципа, соединяющего явления, въ которыхъ прежде онъ не видѣлъ существеннаго соотношенія. При такомъ открытіи исчезаетъ чисто-внѣшнее воззрѣніе на нихъ, какъ на различныя вещи, соединенныя только смежностью въ пространствѣ или времени, и одно явленіе становится новой стороною или дополнительною формою другого. Такимъ же образомъ и мыслитель, который вполнѣ проникъ въ соотносительность данныхъ противоположностей, достигаетъ новой точки зрѣнія по отношенію къ нимъ. Онъ становится для него нераздѣльными элементами высшаго единства, которое теперь понимается, какъ органическое или жизненное. Иначе говоря, вся мысль въ своемъ цѣломъ является процессомъ, проходящимъ черезъ извѣстные фазисы, каждый изъ которыхъ необходимо обуславливаетъ другой: единство этихъ фазисовъ и составляетъ мысль въ ея цѣломъ. Но движеніе не останавливается на этомъ. Понятіе, достигнутое такимъ образомъ, опять-таки имѣетъ свою противоположность и отрицаніе, которыя оно въ одно и то же время исключаетъ и включаетъ въ себя, и процессъ можетъ вновь повториться по отношенію къ этой новой противоположности, приводя къ достиженію еще болѣе высшаго единства и къ еще болѣе сложному понятію, въ которомъ первоначальное понятіе и его противоположность являются элементами. И такимъ образомъ этотъ процессъ идетъ все далѣе и далѣе путемъ непрестанно расширяющагося движенія дифференціаціи и интеграціи, до тѣхъ поръ, пока весь сводъ мысли не является въ своемъ органическомъ един-

ствѣ и развитіи, гдѣ каждый фибръ мысли преисполненъ жизни и относится къ цѣлому, въ которомъ онъ участвуетъ, какъ его составная часть.

Имѣетъ ли только что описанный процессъ естественное начало и конецъ? Если самосознаніе дѣйствительно заключаетъ и обнимаетъ въ себя всѣ категоріи, то очевидно, что конечная цѣль этого процесса есть полное *опредѣленіе* самосознанія, для чего требуется какъ полный анализъ или дифференціація всѣхъ элементовъ, содержащихся въ идеѣ самосознанія, такъ и ихъ интеграція въ этой идеѣ, какъ въ ихъ общемъ единствѣ. И, съ другой стороны, начало этого процесса должно, очевидно, лежать въ наиболѣе простой и наиболѣе отвлеченной изъ всѣхъ категорій, которая, какъ мы видѣли, есть категорія Бытія,—категорія, посредствомъ которой вещь относится нами къ самой себѣ, *какъ будто* она не имѣетъ отношенія къ другимъ вещамъ, или къ нашему духу. А процессъ, который связываетъ начало съ концомъ, есть именно постепенное раскрытіе этихъ двухъ отношеній,—къ вещамъ и къ духу,—отношеній скрытыхъ или внутренне предполагаемыхъ, но не раскрытыхъ и не присущихъ намъ сознательно, на первой непосредственной ступени развитія нашего мышленія. Итакъ, *первый* главный отдѣлъ логики будетъ имѣть дѣло съ категоріями, въ которыхъ, пока, отношенія еще не раскрыты; эти категоріи—Бытія, Качества, Количества—не указываютъ непосредственно на какое-либо отношеніе предмета, къ которому онѣ прилагаются, къ какому-либо другимъ предметамъ, хотя и обнимаютъ въ себя такія отношенія. *Второй* главный отдѣлъ будетъ

имѣть дѣло съ такими категоріями, какъ Сущность; Существованіе, Сила и Проявленіе, Субстанція и Акцидентъ, Причина и Слѣдствіе; эти категоріи вынуждаютъ насъ выйти за предѣлы разсматриваемаго нами предмета и привести его въ соотношеніе съ другими предметами, или, по крайней мѣрѣ, съ чѣмъ-либо, что не дано намъ въ непосредственномъ воспріятіи даннаго предмета. *А послѣдній* главный отдѣлъ будетъ имѣть дѣло съ такими категоріями, какъ Конечная Причина и Органическое Единство, которыми объектъ характеризуется, какъ относящійся къ нашему мышленію, или, какъ имѣющій въ себѣ самомъ ту силу самоопредѣленія, высшимъ типомъ которой является мышленіе. Выражаясь иначе, этотъ отдѣлъ имѣетъ своимъ предметомъ тѣ категоріи, посредствомъ которыхъ предметъ опредѣляется, какъ представляющій или заключающій въ себѣ идеальное единство, достигаемое во всемъ разнообразіи его существованія и осуществляемое *черезъ* самое это разнообразіе.

Поэтому общій планъ „Логики“, если прослѣдить его по всѣмъ этимъ стадіямъ, является намъ въ слѣдующемъ видѣ: та самая реальность, которая сперва представляется намъ какъ *бытіе* независимыхъ другъ отъ друга вещей, опредѣленныхъ по качеству, но не имѣющихъ никакихъ необходимыхъ соотношеній между собою,—познается постепенно въ процессѣ развитія мысли, какъ безконечный агрегатъ существенно соотносящихся и преходящихъ существованій, каждое изъ которыхъ существуетъ лишь постольку, поскольку оно опредѣляетъ собою другія существованія и само опре-

дѣляется ими сообразно универсальнымъ законамъ; и, наконецъ, реальность эта открывается намъ въ мірѣ такихъ объектовъ, которые и вмѣстѣ, и порознь существуютъ лишь постольку, поскольку они существуютъ для мысли, и поскольку мысль раскрывается и осуществляется въ нихъ. Таково движеніе мысли, посредствомъ котораго открывается реальность вещей. Въ самомъ дѣлѣ, категоріи *Бытія*,—которыми мы пользуемся на первой ступени развитія мысли, соответствующей нашему простѣйшему и безхитростному сознанію вещей,—будучи вполне поняты и проанализированы, необходимо приводятъ насъ къ категоріямъ *Отношенія*, къ которымъ мы обращаемся на второй стадіи мышленія, соответствующей вообще научному или разсудочному сознанію; а когда эти категоріи, въ свою очередь, вполне поняты и прорефлектированы, то онѣ необходимо переходятъ въ категоріи *Идеальнаго Единства*, или, какъ онѣ иногда называются, въ категоріи „Понятія“, т.-е. категоріи, употребляемая въ третьей стадіи сознанія, соответствующей философіи. Наука есть *истина* здраваго смысла—обыкновеннаго житейскаго разсудка, ибо въ своей точкѣ зрѣнія на міръ она включаетъ точку зрѣнія здраваго смысла и въ то же время превосходитъ ее. И философія есть *истина* науки—на такомъ же основаніи: ибо она есть и наука, и нѣчто большее, чѣмъ наука. Это нѣчто большее, однако же, въ обоихъ случаяхъ, не есть лишь какая-нибудь чисто-внѣшняя прибавка къ тому, что предшествовало, но результатъ естественнаго, жизненнаго роста,—внутренняя трансформация, которая происходитъ въ силу скрытыхъ энер-

гий, присущихъ сознанию отъ начала. Такимъ путемъ мы находимъ, что *самосознаніе* — конечная категорія или точка зрѣнія — суммируетъ въ себѣ и даетъ полное истолкованіе всего предшествующаго ему, т.-е. всѣхъ предшествовавшихъ ступеней или стадій сознанія. Подобно нашему первому непосредственному сознанию вещей, оно заключаетъ въ себѣ прямое утвержденіе независимаго бытія; подобно разсудочной рефлексіи — оно заключаетъ въ себѣ различія и отношенія; и въ то же время, будучи и тѣмъ и другимъ, оно выходитъ за предѣлы непосредственнаго сознанія и простой рефлексіи, поскольку оно выражаетъ интеграцію различій — соотношеніе такихъ элементовъ, которые отождествляются, несмотря на взаимное противоположеніе.

Пытаться доказать всѣ эти положенія въ подробностяхъ значило бы начать сызнова разработку всего процесса Гегелевой „Логики“. Общій отчетъ, только-что данный нами, можетъ однако нѣсколько уясниться, если мы рассмотримъ ближе процессъ познанія въ его поступательномъ движеніи черезъ науку — къ философіи.

Очевидно, познаніе должно начинать съ того, чтобы брать вещи сами по себѣ, какъ онѣ представляются нашему воспріятію; оно исключаетъ при этомъ всякія предвзятія понятія, точно наблюдая качества познаваемыхъ вещей и опредѣляя количество каждаго качества. Такое наблюденіе есть первая, необходимая основа науки, но оно едва ли само можетъ быть названо наукой. И если оно можетъ заслуживать такое названіе, то развѣ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда наблюдатель, въ своемъ выборѣ наблюдаемыхъ фактовъ и въ опредѣле-

ніи ихъ относительнаго значенія, въ дѣйствительности руководствуется предчувствуемыми идеями такихъ отношеній, которыя онъ еще не вполне сознаетъ, — ибо научный геній проявляется прежде всего въ нѣкотораго рода „инстинктъ разума“, который мысленно предугадываетъ плодотворное направленіе для наблюденія и опыта. Но истинный наблюдатель скоро находитъ, что качества и количества, съ которыми онъ имѣетъ дѣло, безпрестанно измѣняются, и что мысль не можетъ найти въ нихъ того пребывающаго опредѣленнаго предмета, котораго она ищетъ, до тѣхъ поръ, пока она не сумѣетъ найти надъ ними или подъ ними нѣчто такое, что не можетъ подлежать непосредственному наблюденію. Мысль о такой болѣе глубокой реальности, о такомъ началѣ, пребывающемъ, несмотря на какія бы то ни было измѣненія, подсказывается ему уже самымъ опытомъ: ибо онъ находитъ, что качество и количество вещей никогда не измѣняются всецѣло внѣ зависимости другъ отъ друга; и то и другое связаны взаимною зависимостью, такъ что, при незначительномъ увеличеніи или уменьшеніи одного и того же элемента, самое качество вещи внезапно измѣняется. Но и это наблюденіе, какъ простой фактъ, становится недостаточнымъ для него, какъ только онъ начинаетъ понимать, что измѣненіе качества не есть случайное или частное явленіе, но что всякое качество, поскольку оно существуетъ, находится въ процессѣ измѣненія. Такимъ образомъ испытаніе такого способа мышленія, который утверждаетъ и ограничиваетъ каждую конечную вещь ею самою и признаетъ въ ней только то, что она есть сама въ

себѣ, приводитъ насъ къ тому окончательному результату, что подобнымъ вещамъ мы можемъ съ равною достовѣрностью приписывать „бытіе“ и „не-бытіе“. Ихъ „бытіе“—есть генезисъ, „становленіе“ или измѣненіе: онѣ не *суть*, онѣ *становятся*. Поэтому, пока мы не можемъ выйти за предѣлы этого постоянного теченія вещей, въ которомъ нѣтъ пребывающей субстанціи, пока мы не выходимъ изъ этого безконечнаго измѣненія явленій, мысль лишается своихъ объектовъ и возвращается къ себѣ въ скептическомъ сомнѣніи. Таковъ естественный результатъ развивающагося сознанія измѣнчивости и неустойчивости видимыхъ явленій, т.-е. вещей, какъ онѣ непосредственно представляются нашему наблюденію. Ибо разъ мы испытали это, мы естественно отрицаемъ реальность всего того, что такъ называемый здравый смыслъ считалъ реальнымъ, и мы еще не знаемъ ничего, что могло бы замѣстить исчезнувшую реальность. Въ такомъ скептицизмѣ, однако, наука имѣетъ свое рожденіе; ибо существенный характеръ науки состоитъ въ томъ, чтобы признавать, что вещи не суть то, чѣмъ онѣ кажутся, и что за предѣлами кажущагося, или сквозь его покровъ, мы можемъ постигнуть дѣйствительно сущее—единую силу, проявляющуюся въ разнообразныхъ выраженіяхъ, пребывающей законъ, сквозящей въ потокѣ явленій. Поэтому можно сказать, что научное или рефлектирующее сознаніе начинается съ отрицанія непосредственной реальности конечныхъ вещей и стремится найти какое-либо болѣе глубокое основаніе или начало, по отношенію къ которому онѣ могли бы быть поняты, какъ

обладающія нѣкоторой производной или *опосредствованной* реальностью.

Такое научное сознаніе имѣетъ однако извѣстный внутренний ростъ и развитіе, въ которомъ первоначальный способъ мышленія, движущійся чрезъ посредство раздвоенія и противоположенія, постепенно переплавляется и возвышается надъ собою. Мы видѣли уже, что въ первой стадіи мысли, начинавшей съ чисто положительнаго отношенія къ вещамъ и принимавшей ихъ такъ, какъ будто онѣ существуютъ въ себѣ, независимо отъ всякихъ отношеній,—былъ постоянный прогрессъ къ признанію ихъ относительной или отрицательной стороны, т.-е. къ признанію той точки зрѣнія, съ которой онѣ являются конечными и преходящими по существу. Такъ точно и на этой второй стадіи, начинающей съ абсолютнаго контраста между реальнымъ и кажущимся, между субстанціей и акциденціей существуетъ постоянный прогрессъ къ все болѣе и болѣе ясному пониманію существеннаго соотношенія этихъ двухъ противоположныхъ аспектовъ вещей и наконецъ къ усмотрѣнію единства, связывающаго ихъ между собою. Сначала противоположность естественнымъ образомъ утверждается всего рѣзче—такъ рѣзко, что она кажется заключающей въ себѣ отрицаніе какихъ бы то ни было отношеній. Подобнымъ образомъ въ элейской школѣ „Единое“ отвлеченно противопоставлялось „Многому“, которое разсматривалось, какъ чисто кажущееся и не реальное. Но скоро было признано, что такимъ абсолютнымъ раздѣленіемъ оба термина лишаются своего значенія. Если Многое, то, что измѣняется,

или является, лишено реальности, поскольку оно содержит в себя свое собственное отрицание, то равным образом нереально и Единое — та пребывающая, неизменная субстанция, которая отвлеченно противопоставляется явлениям и которая, фактически, есть лишь нечто иное как их отрицание, выраженное в положительной форме. Платонъ, и еще болѣе Аристотель, сознали, что требуется единство не за пределами множества, но въ самомъ множествѣ. И прогрессъ науки вплоть до настоящаго дня былъ постояннымъ движениемъ къ примиренію обоихъ этихъ терминовъ въ такой концепціи внутренней реальности или начала всѣхъ вещей, которая слѣдала бы эту реальность или принципъ полнымъ объясненіемъ и раскрытіемъ, и только раскрытіемъ, ихъ внѣшней видимости и ихъ измѣнчивыхъ проявленій. Глядя на такое прогрессивное движение научнаго сознанія, мы можемъ понять какимъ образомъ новѣйшая наука, хотя сама не вышла за предѣлы раздвоенія между феноменальнымъ и реальнымъ, все же принимаетъ рѣзко враждебное положеніе по отношенію къ болѣе рѣшительному дуализму раннихъ дней и склонна обличать въ „метафизикѣ“ тѣ самыя черты, которыя въ дѣйствительности отличаютъ начальную стадію ея собственнаго образа мысли. Такъ, на примѣръ, Контъ осуждаетъ всякую попытку относить явленія къ „силамъ“ и „субстанціямъ“, которыя, по его утверженію, суть либо чистыя отрицанія, либо отвлеченныя повторенія тѣхъ явленій, которыя онѣ должны объяснить. Наука, съ такой точки зрѣнія, должна ограничиться изслѣдованіемъ „законовъ“ сходства, сосуществованія и послѣдователь-

ности явленій, такъ какъ эти законы считаются простымъ обобщеннымъ констатированіемъ самихъ явленій. Говоря такимъ образомъ, Контъ однако же въ дѣйствительности допускаетъ то, что онъ повидимому отрицаетъ. Такое „обобщенное констатированіе“ есть, очевидно, нѣчто большее, чѣмъ простое подтвержденіе самихъ явленій. Законъ есть одновременно отрицаніе и подтвержденіе явленія, подпадающаго подъ него: онъ противопоставляется ему, какъ пребывающее—измѣняющемуся, какъ единство—множеству; и въ то же время онъ составляетъ одно съ явленіемъ, какъ то начало, по отношенію къ которому оно только и возвышается надъ степенью простой видимости, или минутной иллюзіи. Недостатокъ всего этого рода научнаго мышленія состоитъ въ томъ, что, выходя за предѣлы непосредственнаго явленія въ поискахъ за его объясненіемъ, онъ никогда не можетъ найти полнаго объясненія. Ибо то начало, или законъ,—къ которому мы здѣсь сводимъ явленія, никогда не исчерпываетъ собою ихъ значенія, но скорѣе самъ предполагаетъ тѣ же явленія. Иначе говоря, законъ, который, по предположенію, долженъ объяснить явленія, необходимо отличается отъ нихъ, и въ то же время существенно относится къ нимъ, въ свою очередь ожидая отъ нихъ объясненія. Эта двойственность въ идеѣ закона иногда приводитъ къ странной непослѣдовательности тѣхъ писателей, которые не въ достаточно ясной степени отдають себѣ отчетъ въ употребляемыхъ ими категоріяхъ. Ибо, съ одной стороны, они увѣряють насъ, что законъ есть *только* обобщенное выраженіе явленій, какъ будто ихъ передача въ формѣ закона есть

нѣчто безразличное и случайное; а съ другой стороны, они съ равною силою настаиваютъ на томъ, что мы познаемъ явленія *только* тогда, когда мы знаемъ ихъ законы,—какъ-будто законъ есть *не* простое обобщенное повтореніе явленій, а то центральное начало, безъ отношенія къ которому истинный смыслъ и значеніе явленій не могутъ быть познаны.

Выходъ изъ этого затрудненія открывается намъ, когда мы усматриваемъ, что научный образъ мысли, необходимый, какъ ступень въ развитіи познанія, связанъ съ существеннымъ несовершенствомъ, которое можетъ быть исправлено только путемъ дальнѣйшаго перехода къ философскому пониманію или къ тому, что Гегель называетъ *понятіемъ* (Begriff). Въ научной рефлексіи мы всегда имѣемъ два термина, находящіеся въ существенномъ соотношеніи другъ къ другу, причемъ въ одномъ изъ нихъ мы ищемъ объясненія для другого. Но, именно по причинѣ такого существеннаго соотношенія, объясненіе никогда не можетъ быть полнымъ. Категоріи, которыми мы пользуемся въ такой рефлексіи, суть понятія субстанціи и признаковъ, силы и проявленія, внутренняго существа и внѣшняго обнаруженія, причины и дѣйствія. Въ каждомъ изъ такихъ случаевъ мы имѣемъ своеобразное существенное соотношеніе между двумя терминами, при которомъ второй изъ такихъ терминовъ (дѣйствіе, признакъ, обнаруженіе) всегда объясняется изъ перваго (причины, субстанціи, силы), но въ то же время и первый терминъ имѣетъ все свое значеніе лишь въ своемъ отношеніи ко второму. Поэтому-то, пользуясь подобными кате-

горіями, мы необходимо впадаемъ въ самопротиворѣчіе—въ ложный кругъ, который состоитъ въ томъ, что мы объясняемъ все на свѣтъ посредствомъ терминовъ, находящихся въ существенномъ соотношеніи съ тѣмъ, что подлежитъ объясненію. Такъ, мы объясняемъ признаки или акциденціи, относя ихъ къ субстанціи; но субстанція отдѣльно отъ такихъ акциденцій не имѣетъ никакого значенія. Никакой разницы нѣтъ и тогда, когда вмѣсто такой взаимности терминовъ мы будемъ имѣть дѣло съ послѣдовательными рядами, какъ напримѣръ тамъ, гдѣ мы признаемъ, что причина объясняетъ дѣйствіе, но сама объясняется дѣйствіемъ другой причины. Ибо сама эта необходимость дальнѣйшаго объясненія просто означаетъ, что причина не можетъ дать *полнаго* объясненія своего дѣйствія. Ея отличіе отъ дѣйствія и ея необходимое отношеніе къ нему есть именно то основаніе, которое заставляетъ насъ искать ея объясненія въ другой причинѣ. Поэтому здѣсь, какъ и во всякомъ другомъ подобномъ процессѣ мышленія, мы имѣемъ противорѣчіе, которое нуждается въ разрѣшеніи: ибо то самое, что противопоставляется относительному, какъ абсолютное,—какъ *ею* абсолютное,—на самомъ дѣлѣ однако, само полагается въ соотношеніи съ нимъ, и постольку опять-таки не можетъ быть признано абсолютнымъ. Умы, которые вращаются въ области подобныхъ категорій, впадаютъ въ тѣ колебанія и разнорѣчія, образчикомъ которыхъ можетъ служить вышесказанная неувѣренность относительно понятія закона. И такое колебаніе ихъ не есть простая случайность. Категорія, управляющая ихъ мыслью, вынуждаетъ ихъ противорѣчить самимъ

себѣ, обращая къ свѣту то одну, то другую изъ своихъ сторонъ. Большею частью, впрочемъ, они не сопоставляютъ вмѣстѣ различныя стороны своей мысли, а потому не чувствуютъ затрудненія и не ощущаютъ потребности разрѣшить его при помощи высшей категоріи. Правда, что такая безсознательность нерѣдко можетъ являться преимуществомъ въ дѣлѣ, требующемъ скорѣе полного и рѣшительнаго приложенія категоріи, чѣмъ яснаго сознанія ея границъ. Ибо если категоріи высшаго порядка имѣютъ свою полную цѣну лишь тогда, когда онѣ являются разрѣшеніемъ затрудненій, возникающихъ изъ категорій низшаго порядка, то точно такъ же и философское объясненіе вещей посредствомъ категорій высшаго порядка представляется законнымъ лишь въ качествѣ конечнаго истолкованія науки, или научнаго объясненія вещей, добытаго посредствомъ категорій подчиненнаго порядка (причинности, субстанціональности и пр.). Но, съ другой стороны, неразрѣшенный дуализмъ, остающійся по приложеніи категорій науки, самъ указываетъ на необходимость новаго истолкованія научныхъ результатовъ посредствомъ другихъ, высшихъ категорій, и онъ указываетъ также что такое новое истолкованіе, составляющее специальную задачу философіи, не есть простой безполезный или внѣшній придатокъ къ наукѣ, но является необходимымъ ея развитіемъ. Контъ, какъ мы видѣли, прибѣгаетъ, правда, къ болѣе легкому способу въ разрѣшеніи этого затрудненія: онъ просто отрицаетъ всякое различіе между реальнымъ и феноменальнымъ, между фактомъ и закономъ, между тѣмъ какъ именно изъ такого различія и

возникаетъ вся проблема. Но такое положеніе, принятое въ своемъ собственномъ значеніи и смыслѣ, заключаеть въ себѣ не дѣйствительное рѣшеніе проблемы, а только простое возвращеніе къ тому первичному чувственному сознанію, для котораго противоположность между кажущимся и реальнымъ еще не существуетъ. Подобное сознаніе, однако, должно быть разрушено и отброшено, прежде чѣмъ начнется самый разсвѣтъ науки. Ибо сомнѣніе и изумленіе, въ которомъ зарождается наука, есть сомнѣніе и изумленіе, вызванное тѣмъ, что вещи не суть то, чѣмъ онѣ кажутся. И если возможно вновь найти нѣчто реальное въ томъ, что кажется, то это должно произойти лишь посредствомъ примиренія этихъ противоположныхъ началъ, а не посредствомъ ступеньки ихъ противоположности.

Гдѣ же, тогда, можемъ мы найти такое совершенное примиреніе? Высшая концепція вселенной какая можетъ быть дана намъ наукой, есть понятіе множества субстанцій, дѣйствующихъ и реагирующихъ другъ на друга и производящихъ въ такомъ взаимодействіи постоянныя измѣненія другъ въ другѣ, согласно неизмѣннымъ законамъ. Каждая субстанція, такимъ образомъ, по самымъ условіямъ своего существованія, находится въ отношеніи къ тому, что противопоставляется ей и что порождаетъ въ ней измѣненія; и, вмѣстѣ, каждая изъ нихъ *пребываетъ* въ такомъ измѣненіи, поскольку она измѣняется сообразно извѣстному закону, т.-е. поскольку она имѣетъ опредѣленное отношеніе къ другой субстанціи, проявляющейся въ ея измѣненіяхъ. Но въ такомъ возрѣннн на вещи заключается все же нѣкото-

рая двусмысленность и несостоятельность. Ибо, от-
правляясь отъ идеи изолированныхъ, самобытныхъ суб-
станцій, которыя измѣняются только потому, что онѣ
приводятся во взаимное отношеніе, мы приходимъ къ
тому результату, что пребывающимъ и неизмѣннымъ
оказывается самый законъ отношенія, помимо котораго
субстанціи не имѣютъ совершенно никакого существо-
ванія. Такимъ образомъ Субстанціальность и Относи-
тельность оказываются не двумя различными идеями,
а одной и той же, и истина заключается не въ каждой
изъ нихъ въ отдѣльности, а въ соединеніи обѣихъ. А это
значитъ, что субстанціальнымъ можетъ быть признано.
не то, что исключаетъ отношеніе, а то, что въ собствен-
номъ своемъ бытіи включаетъ свои отношенія, свою от-
носительность. Другими словами, все то, что обладаетъ
субстанціальнымъ бытіемъ, имѣетъ его лишь постольку,
поскольку оно есть субъектъ или самость, пребываю-
щая въ своихъ измѣненіяхъ, такъ какъ ея измѣненія
опредѣляются ея собственной природою и суть на
дѣлѣ лишь необходимое проявленіе этой природы. Го-
ворить о различныхъ субстанціяхъ, не имѣющихъ одна-
ко *никакой* самобытной природы, независимо отъ ихъ
дѣйствія и воздѣйствія другъ на друга, есть явное про-
тиворѣчіе, ибо та необходимость, которой, согласно та-
кой точки зрѣнія, эти различныя субстанціи представля-
ются подчиненными, сама есть въ сущности единствен-
ная настоящая, пребывающая субстанція. Другими сло-
вами, то, что мы находимъ передъ собою въ такомъ взаи-
моотношеніи, есть не разлвоеніе отдѣльныхъ вещей, внѣ-
шнимъ образомъ относящихся другъ къ другу, но един-

ство, которое выражаетъ и утверждаетъ себя въ
самомъ разлвоеніи. Дѣйствительную субстанцію слѣ-
дуетъ искать поэтому не въ двухъ соотносящихся
вещахъ, взятыхъ въ отдѣльности, но въ томъ началѣ,
которое одновременно и раздѣляетъ и соединяетъ ихъ.
Внѣшняя причинность, внѣшній детерминизмъ, дол-
жны, слѣдовательно, быть всегда объясняемы, какъ са-
моопредѣленіе, хотя „самость“, подразумеваемую здѣсь,
намъ придется искать уже не въ тѣхъ вещахъ, которыя
мы сначала принимали за субстанціи и которыя могутъ
оказаться простыми „моментами“ или элементами како-
либо существованія высшаго порядка. Это именно хо-
тѣлъ выразить Гегель, говоря, что „истина необходи-
мости есть свобода“. Необходимость имѣетъ мѣсто для
какой-либо вещи или существа, лишь постольку оно
опредѣляется чѣмъ-либо другимъ; и если эта вещь или
существо не имѣетъ никакой своей собственной жизни
или собственного движенія, которое бы *не* опредѣлялось
такимъ образомъ, то оно не имѣетъ въ самомъ себѣ ника-
кой реальности,—ничего такого, что могло бы заставить
насъ видѣть въ немъ индивидуальную вещь или субстан-
цію. Если оно всецѣло опредѣляется извнѣ, оно само
есть лишь особая сторона или фазисъ въ существова-
ніи чего то другого, что опредѣляется самимъ собою,
а не новымъ другимъ. А потому конечная реальность
вещей, которую обыкновенное сознание ищетъ въ ихъ
чисто безотносительномъ и независимомъ бытіи, и ко-
торую наука ищетъ въ ихъ соотносительномъ суще-
ствованіи,—можетъ быть въ дѣйствительности найдена
лишь въ томъ, что мы могли бы назвать ихъ идеаль-

нымъ характеромъ: конечная реальность вещей открывается намъ тогда, когда мы понимаемъ ихъ какъ единства соотносительныхъ различій, или какъ единства, проявляющія себя въ различіи и въ то же время сохраняющія свое тожество въ такомъ различіи. Такимъ образомъ лишь то дѣйствительно можетъ быть названо реальностью, что утверждаетъ и осуществляетъ себя въ процессѣ дифференціи и реинтеграціи различій. „Ничто не существуетъ реально, что не *опредѣлялось бы чѣмъ-либо* другимъ и не *относилось бы къ* чему-либо другому—нѣтъ ничего, что не находилось бы въ процессѣ генезиса или измѣненія“. Это было доказано *первой* стадіей „Логики“, которая перенесла насъ отъ непосредственнаго сознанія вещей къ наукѣ. „Ничто не существуетъ реально безъ *само-опредѣленія* и *само-отношенія*, т.-е. безъ самости, которая утверждаетъ и пребываетъ во всѣхъ измѣненіяхъ“. Это доказывается второю стадіей „Логики“, которая отправляется отъ перваго научнаго сознанія противоположности между являющимся и реальнымъ и возводитъ насъ къ уразумѣнію того, что реальность раскрывается въ явленіи и его измѣненіяхъ; или, что то же, она показываетъ намъ, что все, называемое нами *реальнымъ*, идеально въ своемъ основаніи. Пусть для рефлектирующаго сознанія идеальное представляется лишь отвлеченнымъ закономъ или принципомъ, отличнымъ отъ фактовъ и представляющимъ только одну сторону фактовъ, чрезъ посредство которыхъ мы его познаемъ: теперь для насъ ясно, что такое идеальное единство само есть фактъ изъ фактовъ, принципъ, изъ котораго вытекають всѣ факты, и къ которому они воз-

вращаются. Реальность заключается не въ единичныхъ индивидуальностяхъ, взятыхъ самихъ по себѣ, какъ это полагаетъ „здравый смыслъ“; она заключается не въ частностяхъ, соотносящихся съ другими частностями, какъ это повидимому учитъ наука; она заключается въ самомъ отношеніи или началѣ всѣхъ отношеній—въ универсальномъ или всеобщемъ, которое дифференцируетъ, обособляетъ себя, пребывая тождественнымъ и единымъ въ самомъ этомъ обособленіи. Выражаясь короче, „реальное есть рациональное или разумное“, т.-е. реальное есть нѣчто всецѣло постижимое разумомъ, именно потому что оно заключаетъ въ себѣ самое существо разума или самосознанія, какъ единство, утверждающее свое тожество не въ отрицаніи различій, а скорѣе посредствомъ различія, которое оно въ одно и то же время и полагаетъ и превозмогаетъ.

Идея, которую мы разсматриваемъ, можетъ быть пояснена ученіемъ Лейбница, который видѣлъ во вселенной совокупность монадъ, каждая изъ которыхъ сама есть міръ въ свою очередь. Каждая монада или реальная субстанція, согласно этому воззрѣнію, есть микрокосмъ, міръ въ маломъ, который *идеально*, въ своихъ „перцепціяхъ“ или представленіяхъ, заключаетъ въ себѣ всю жизнь вселенной и, тѣмъ не менѣе, несмотря на такое идеальное отношеніе ко всему сушему, не опредѣляется *реально* ничѣмъ внѣшнимъ,—ничѣмъ, кромѣ себя самого. Такимъ образомъ каждая монада въ себѣ самой есть отраженіе всего сущаго, оставаясь однако совершеннымъ цѣлымъ сама въ себѣ; и она развивается всецѣло для себя самой въ абсолютной свободѣ, про-

хотя черезъ всѣ измѣненія своей чисто-внутренней жизни, хотя измѣненія эти вполнѣ соответствуютъ внѣшнимъ движеніямъ и процессамъ макрокосма — вселенной, находящейся внѣ ея. Такимъ путемъ, различая между *реальнымъ* и *идеальнымъ* аспектомъ монады, Лейбницъ думалъ избѣжать затрудненія въ сочетаніи противоположныхъ понятій относительности и самобытнаго бытія, универсальности и индивидуальности, необходимости или внѣшняго детерминизма и свободы или самоопредѣленія. Но такое различіе есть лишь искусственная уловка; и самъ Лейбницъ вынужденъ отказаться отъ нея, когда рѣчь заходитъ о Богѣ—центральной монадѣ всѣхъ монадъ: въ Немъ, какъ въ абсолютномъ единствѣ идеальнаго и реальнаго, онъ находитъ основаніе той гармоніи, которая существуетъ между представленіями каждой монады и бытіемъ внѣшняго міра, того параллелизма, въ силу котораго онѣ составляютъ части единаго мірозданія, не смотря на свою совершенную независимость. Такимъ образомъ, хотя въ отношеніи другъ къ другу эти монады могутъ быть свободны,—по отношенію къ Богу онѣ не имѣютъ никакой свободы или самоопредѣленія.

Здѣсь, однакоже, мы встрѣчаемся съ большимъ затрудненіемъ, возникающимъ въ связи съ тѣмъ понятіемъ о реальности, которое только что было предложено. Ибо разъ мы вынуждены были признать, что реальность можетъ находиться въ томъ и только въ томъ, что имѣетъ въ себѣ самое начало самоопредѣленія, мы повидимому вынуждены признать, что единственная реальность есть Богъ. А потому, хотя необходимость

природы и могла быть понята нами, какъ свобода, все же будетъ казаться, что есть мѣсто только для одной свободы въ мірѣ—для свободы абсолютнаго Существа, которое низводитъ всѣ прочія вещи и существа до степени простыхъ своихъ опредѣленій, обращая ихъ въ модусы своихъ атрибутовъ. Другой альтернативой была бы повидимому лишь такая монадологія, которая изолировала бы каждую субстанцію отъ всѣхъ прочихъ и, ограничивая каждую монаду ею одною, не оставляла бы мѣста ни идеальнымъ, ни реальнымъ отношеніямъ ихъ другъ къ другу, или къ чему-либо другому. Чтобы избѣжать подобной дилеммы требуется нѣчто такое, что на первый взглядъ должно казаться абсолютнымъ противорѣчіемъ: требуется идея абсолютнаго единства, къ которому мы были бы вынуждены относить всякое существованіе, и которое, тѣмъ не менѣе, оставляло бы мѣсто для дѣйствительной свободы и независимости, для реальной самососредоточенной жизни въ другихъ существахъ, отличныхъ отъ него. И если идея о такомъ единствѣ невозможна для насъ, то, повидимому, довольно безразлично, относить ли всѣ вещи къ абсолютному субъекту, или просто къ абсолютной субстанціи.

Главная задача *третьей* части „Логики“ состояла въ томъ, чтобы развить такую идею изъ понятія монады или самоопредѣляющагося начала—понятія, являвшагося результатомъ *второй* части „Логики“. Здѣсь, такъ же какъ и въ другихъ случаяхъ, мы должны ограничиться указаніемъ общей мысли, проходящей черезъ это развитіе. Выходъ изъ затрудненія былъ отчасти усмотрѣнъ самимъ Лейбницемъ, который указывалъ, что истинный организмъ

есть единство организмов—единство, органическое во всѣхъ своихъ частяхъ. Жизнь тѣла не есть начало, господствующее надъ мертвыми членами, или пользующееся ими, какъ орудіями для своего осуществленія. Она *присуща* всѣмъ членамъ, такъ что каждый изъ нихъ можетъ разсматриваться по очереди и какъ средство, и какъ цѣль для остальныхъ. Безъ сомнѣнія, существуетъ единство цѣлаго, которое подчиняетъ себѣ всѣ части; но оно подчиняетъ ихъ себѣ, такъ сказать, лишь отдаваясь и сообщаясь имъ и давая имъ нѣкоторую независимую жизнь,—жизнь, которая имѣетъ въ себѣ свой собственный центръ, хотя она и обнимается другою, болѣе широкою сферой. Само-опредѣляющееся начало, какъ таковое, необходимо обладаетъ именно такими признаками; оно не уподобляется закону, внѣшнимъ образомъ подчиняющему себѣ чуждый матеріалъ: оно само есть свой собственный матеріалъ. То, что опредѣляется имъ, есть *оно само*; порождая различія, оно порождаетъ въ нихъ *самою себя*. Его самоутвержденіе или самораскрытіе есть, въ извѣстномъ смыслѣ, самоотрицаніе, самоотреченіе. Умереть для того, чтобы жить,—вотъ опредѣленіе его жизни. Правда, мы должны прибавить, что такое самоотрицаніе никогда не можетъ быть абсолютнымъ. Въ различіи и противоположности единство должно быть удержано. Независимость отдѣльныхъ органовъ тѣла не должна простираться до того, чтобы разрывать ихъ взаимное соотношеніе другъ къ другу и съ единствомъ цѣлаго. Но такое соотношеніе удерживается не внѣшнимъ подчиненіемъ, а тою полнотою, съ которой жизнь цѣлаго сообщается час-

тямъ, такъ что для собственнаго осуществленія онѣ должны служить органами этой жизни. Точно также вселенная, центральное начало которой есть самоопредѣляющееся бытіе, въ одномъ изъ аспектовъ своихъ представляется единствомъ, не оставляющимъ мѣста различію, и въ то же время въ другомъ своемъ аспектѣ разбивается на безконечное множество частей, каждая изъ которыхъ кажется обладающей своимъ собственнымъ самостоятельнымъ центромъ. Это не то, что вселенная Спинозы, гдѣ всякое различіе въ области духа теряется въ отвлеченномъ атрибутѣ безконечной мысли, а всякое различіе вещества—въ отвлеченномъ атрибутѣ безконечнаго протяженія; это вселенная, въ которой „всякая мысль есть истина и всякая пылинка—организация“; это макрокосмъ, составленный изъ микрокосмовъ,—мѣръ, который есть все во всемъ, т.-е. въ каждой части.

Цветокъ въ стѣнѣ, поросшей мхомъ,
Срываю я тебя съ разсѣлины родимой,
Цветочекъ маленький! Въ рукѣ ты съ корнемъ весь!
Но если я постигну, что ты есть,
Все, что есть корешъ твой, все, что въ тебѣ во всемъ,—
И Богъ, и человекъ мнѣ стануть постижимы.

При такой концепціи обычная антитеза индивидуализма и пантеизма для насъ исчезаетъ; наше представленіе о вселенной, повидимому, включаетъ заразъ и тотъ, и другой, или впадаетъ въ нѣкоторое колебаніе между обоими, подобное тому, какое мы находимъ въ монадологии Лейбница, или въ позднѣйшей теоріи Шеллинга, гдѣ всѣ качественныя различія вещей сводились къ

чисто-количественнымъ, т.-е. попросту признавались за такія различія, которыя съ высшей точки зрѣнія могутъ быть оставляемы безъ вниманія, какъ несущественныя. Но не слѣдуетъ однако забывать, что хотя организмъ остается организмомъ во всѣхъ частяхъ своихъ, все же части эти имѣютъ каждая свое специфическое опредѣленіе, и что именно чрезъ такое опредѣленіе онѣ составляютъ одно цѣлое. Не слѣдуетъ забывать и того, что хотя самоопредѣляющееся начало необходимо присуще своимъ частнымъ опредѣленіямъ и даетъ имъ извѣстную независимость, такія опредѣленія, съ другой стороны, все же ограничены, будучи взяты сами по себѣ; и они остаются сами собою; лишь постольку, поскольку въ нихъ осуществляется общее, высшее начало, т.-е. поскольку они отдають себя жизни цѣлаго. Короче, ихъ способность отдавать себя является мѣрою ихъ реальности (т.-е. способность индивидуальности отдаваться общему, принимать въ себя всеобщее есть мѣра ея бытія). Итакъ, единство, какъ самоопредѣляющее начало, осуществляется въ различіяхъ, но также и въ самомъ отрицаніи такихъ различій, — отрицаніи, чрезъ посредство котораго они возвышаются надъ своими индивидуальными границами и такимъ образомъ возвращаются въ единство.

„Реальное есть универсальное начало, которое выходитъ изъ себя, обособляетъ, индивидуализируетъ себя, противопоставляетъ себя себѣ самому, чтобы достигъ наиболѣе глубокаго и всеобъемлющаго единства съ собою“. Кажется, будто подобныя выраженія нарушаютъ границы человеческого языка своимъ постояннымъ само-

противорѣчіемъ. На дѣлѣ они заключаютъ въ себѣ лишь отчетливый анализъ понятія, которымъ мы постоянно пользуемся безъ всякаго анализа, когда мы говоримъ о самости, самосознаніи или самоопредѣленіи. Мы уже видѣли, что „истина необходимости есть свобода“, и уже послѣдовательное развитіе научной концепціи закона заставляетъ насъ признать, что конечное истолкованіе вещей должно согласоваться съ этой идеей. Какъ мы видѣли, это равняется признанію міра органическимъ единствомъ. Но, говоря о такомъ органическомъ единствѣ вселенной, мы не разумѣемъ простой аналогіи между міромъ, какъ цѣлымъ, и оживленнымъ тѣломъ растенія или животнаго. Подобные организмы лишь несовершеннымъ образомъ осуществляютъ идею, о которой мы говоримъ. И если бы міръ былъ организмомъ въ этомъ смыслѣ, онъ не могъ бы быть самоопредѣляющимся цѣлымъ, въ которомъ всѣ различія возвращаются къ единству. Или, если даже мы предположимъ, что всѣ различія міра, разсматриваемаго въ качествѣ объективной системы, могутъ быть приведены къ единству при посредствѣ такой идеи организма, — самая мысль или сознаніе, для котораго міръ существуетъ, будетъ оставлено нами въ сторонѣ; ибо простое животное есть несомнѣнно организмъ или органическое единство, но оно не является такимъ для себя самою. Оно, вѣроятно, никогда не возвышается надъ степенью чувства, въ которомъ самость еще не ясно отличается отъ внѣшняго міра и не полагается въ сознательное къ нему отношенію. Внешнее различіе между субъектомъ и объектомъ либо вовсе отсутствуетъ въ жизни животнаго,

либо выражается въ ней несовершеннымъ образомъ, вслѣдствіе чего въ ней нѣтъ возможности и для высшаго внутренняго примиренія мысли съ самой собою. А потому, если мы разовьемъ вполнѣ понятіе идеала или самоопредѣляющагося принципа, составляющаго исходную точку третьей стадіи логики, то мы увидимъ, что оно находитъ свою окончательную форму и выраженіе только въ *самосознаніи*, которое есть единство въ различіи субъекта и объекта, единство въ различіи „я“ и „не-я“. Ибо только въ немъ мы имѣемъ идеальное начало, которое сознаетъ себя и постольку совершенно въ себѣ самомъ, довлѣетъ себѣ. Только здѣсь мы дѣйствительно имѣемъ начало, которое развивается до крайняго различія и противоположности съ самимъ собою и въ тоже время возвращается къ явному единству съ самимъ собою.

Все это можно уяснить себѣ еще болѣе, если разсмотримъ, въ чемъ состоитъ жизнь самосознанія. Прежде всего самосознаніе предполагаетъ сознание, т.-е. оно есть сознание своего „я“ въ его противоположеніи, хотя и въ отношеніи къ „не-я“. Но въ такомъ различіи предполагается высшее единство: ибо наше „я“ можетъ сознавать себя въ такомъ различіи и отношеніи лишь постольку, поскольку оно возвышается надъ различіемъ между собою и своимъ объектомъ. Такимъ образомъ подъ сознательнымъ раздвоеніемъ между „я“ и „не-я“ существуетъ безсознательное единство, которое обнаруживается въ томъ, что вся жизнь мыслящаго духа состоитъ въ стремленіи побѣдить свой собственный дуализмъ—въ стремленіи *найти себя* или осу-

ществить себя въ объектѣ или объективномъ мірѣ, сначала представляющемся намъ чуждымъ или враждебнымъ: такова цѣль нашего познанія и нашей разумной дѣятельности. Какъ мы видѣли, рассматривая предшествовавшія стадіи Гегелевой Логики, для непосредственнаго человѣческаго сознанія вселенная есть просто міръ вещей, не связанныхъ какими-либо отношеніями даже между собою; и даже тамъ, гдѣ наука постольку возвышается надъ этимъ первичнымъ сознаніемъ, что открываетъ въ вещахъ законъ и отношенія, такая относительность все же не есть еще единство, не есть еще чистое прозрачное тождество или безразличіе самосознанія. А потому мысль не можетъ еще найти себя въ объектѣ, или, что то же самое, она не можетъ усмотрѣть существеннаго отношенія объекта къ самой себѣ. Но когда мы начинаемъ сознавать, что истина необходимости есть свобода, когда мы постигаемъ, что реальность вещей должна быть найдена въ идеальномъ единствѣ или въ томъ самоопредѣляющемся началѣ, которое осуществляется въ вещахъ, природа перестаетъ являться намъ подъ личиной отчужденія, и мы научаемся находить *въ ней* то самое духовное начало, которое мы знаемъ въ самихъ себѣ. Міръ, какъ бы ни казался онъ противоположнымъ мысли, есть въ дѣйствительности поприще для ея осуществленія; если намъ кажется, что онъ не поддается намъ, то это потому, что мы сами еще не достигли внутренняго единства съ собою. „Всѣ вещи дѣйствуютъ совместно“ для того, кто отождествляетъ себя съ разумомъ, и кто въ своей дѣятельности стремится осуществить себя, какъ разумъ, т.-е. осуществить ду-

ховное начало, которое есть одновременно его собственная природа и природа вещей. Таким образом кульминационным пунктом всей теоретической и практической деятельности самосознания является то, что Гегель называет „абсолютной идеей“, т.-е. идея самосознания, которая проявляется в различии субъекта и объекта для того, чтобы, проходя через такое различие и побуждая его, достигнуть высшего единства с самой собою. Это — последняя категория, которая содержит и предполагает в себе все остальные категории; и с другой стороны, как было указано, она сама внутренне предполагается каждой из них в отдельности и всеми, взятыми вместе. Если рассмотреть категории со всей строгостью мысли и, отвлекаясь от всяких субъективных ассоциаций, сосредоточить все внимание на их объективной диалектике, если предоставить категориям определять самих себя путем того необходимого движения мысли, посредством которого они развиваются, то в конце концов они приведут нас к этой идее самосознания, как к их конечному смыслу или истине. Таков результат „Логики“ в ее целом.

Из этого очерка Логики, по необходимости несколько краткого и потому поверхностного, можно понять хотя бы общий характер той задачи, которую ставил себе Гегель. Она являлась лишь воспоминанием и завершением труда, предпринятого Платоном в его „Парменидѣ“ и „Софистѣ“ и впервые получившаго нечто вроде систематической формы в метафизике Аристотеля. Ибо Платон первый отделил категории от их конкретного приложения и пытался выследить отвле-

ченно, саму по себе, ту диалектику, которая присуща им, когда они рассматриваются таким образом, т.-е. как независимые, самостоятельные объекты. И Аристотель впервые пытался объединить эти основные начала бытия и познания в систематическом целом, завершающемся в идее абсолютной реальности или Бога, как „абсолютного самосознания“ (*νοῦς τῆς νοήσεως*). Гегель вернулся к этой задаче, обогащенный всеми преимуществами современного развития науки, которая дала более ясное понимание разсудочных категорий и показала, что в них действительно содержится ключ к объяснению природы. Гегель вернулся к этой задаче, после того как Кант доказал, что категории суть лишь формы выражения единства самосознания по отношению к миру объектов. Поэтому, ему оставалось только показать, что такие категории суть простой результат необходимой дифференциации единства мысли, его саморазличения; или, что то же, ему оставалось показать, что идея самосознания есть полная интеграция всех категорий. Поскольку Гегель успел в этом, результатом его труда была победа над дуализмом, который еще оставался непримиренным у Аристотеля, победа над раздвоением между чистой мыслью и мыслимым миром — ее объектом. Ибо если, как показал Кант, объекты существуют лишь для сознающего субъекта и притом чрез посредство приложения категорий, и если все эти категории, начиная с простейшего понятия бытия до самых сложных идей причинности и конечной цели, суть только элементы или моменты истины, вполне утверждающейся лишь в идее

самосознания,—то отсюда слѣдуетъ, что объективный міръ и не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ проявленіемъ мысли или средствомъ, чрезъ которое она достигаетъ наиполнѣйшаго своего осуществленія. Такимъ образомъ доказано, что существуетъ *духовное* начало единства—начало единства, которое проявляется во всякомъ сознающемъ субъектѣ и побѣждаетъ всѣ противоположности въ мірѣ, — даже кажущійся антагонизмъ между міромъ и самимъ духомъ. Для такого субъекта, поэтому, не можетъ быть абсолютной границы или непримиримаго раздѣленія, ни изнутри, ни извнѣ. Прирожденная вѣра разума въ самого себя была оправдана посредствомъ полнаго обсужденія и исчерпанія всѣхъ источниковъ скептицизма. Несмотря на кажущуюся случайность, которая повидимому управляетъ вещами, было показано, что „только то дѣйствительно, или реально, что рационально, или разумно“; и несмотря на сопротивленіе, оказываемое вещами тому, что представляется намъ нашей высшею цѣлью и стремленіемъ, было показано, что „только то разумно, что реально“.

ГЛАВА IX.

Приложеніе или развитіе логической идеи.—Отношеніе принципа Гегеля къ христианству.

Отчетъ о Гегелевой Логикѣ, данный въ предыдущей главѣ, можетъ служить, по крайней мѣрѣ, частнымъ отвѣтомъ на нѣкоторыя изъ обыкновенныхъ возраженій противъ нея—возраженій, основанныхъ на мнимой абсо-

лютности различій, которымъ она придаетъ только второстепенное значеніе. Гегелева Логика есть одновременно и Логика и Метафизика, т.-е. она имѣетъ дѣло сразу и съ методомъ, и съ предметомъ познанія, съ процессомъ, посредствомъ котораго открывается истина, и съ самой истиной, въ ея наиболѣе универсальныхъ аспектахъ. Согласно воззрѣнію Гегеля, не можетъ быть чисто-формальнаго процесса мысли, т.-е. не можетъ быть такого процесса мысли, который не заключалъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ и опредѣленія своего объекта черезъ посредство категорій; и движеніе отъ менѣе совершеннаго къ болѣе совершенному познанію есть постоянный переходъ отъ одной категоріи къ другой, причемъ каждая новая категорія измѣняетъ предшествовавшее опредѣленіе и дѣлаетъ его болѣе полнымъ и точнымъ. Если, поэтому, процессъ познанія съ перваго взгляда какъ будто заключаетъ въ себѣ отрицаніе умственной самодѣтельности и предполагаетъ абсолютное подчиненіе мысли безразличному и внѣшнему объекту, онъ есть на дѣлѣ такой процессъ, въ которомъ мысль постоянно все болѣе и болѣе вводитъ этотъ объектъ въ сѣть своихъ категорій и видоизмѣняетъ его образъ, до тѣхъ поръ, пока все чуждое въ немъ исчезаетъ, и онъ становится одною съ мыслию, постигающей его. Такимъ образомъ изслѣдованіе объекта оказывается въ то же время развитіемъ мыслящаго духа въ связи съ его познаніемъ; и высшая категорія, посредствомъ которой опредѣляется объектъ, заключаетъ, въ то же время, раскрытіе его существенной связи съ мыслящимъ духомъ, для котораго